

ров¹⁴, и государство даже стимулировало его налоговыми иммунитетами, но с начала V в. даже ветеранское землевладение становится им в жесткие рамки. Захваченные ветеранами пустующие земли подлежали налогообложению (С. Th. XI. 1, 28).

Запрет частным лицам обрабатывать государственные *fundi limitotrophī* оставляет, таким образом, лишь возможность предположить, что они предназначались варварам-дeditициям. Следует отметить, что прецеденты такого рода существовали, причем в недавнем прошлом. Так, разграбленные в 386 г. остготы-гевтунги были расселены во Фригии и позже восстали под предводительством Трибигильда (*Zos.* IV. 34; 38; V, 13, 2). Об уготованной им государством судьбе достаточно отчетливо свидетельствует в 389 г. Пакат: «Неужели же я не скажу, что захваченные для рабства готы предоставили лагерям твоим воина, пахаря — землям» (*Pan. Lat.* XII. 22, 3).

Думается, что *castellani milites* закона 423 г. (С. Th. VII. 15, 2) и были в основном теми варварами, состав которых в конце IV—начале V в. постоянно пополнялся. Например, захваченных в плен скиров в 409 г. правительство предписывало переводить в заморские провинции (С. Th. V. 6, 3). В 399 г. варварам приказано занимать только те земли, которые укажет империя (С. Th. XIII. 11, 10). На протяжении всего IV в. традиционной для империи практикой был перевод варваров, приобретенных тем или иным путем, с дунайской границы в отдаленные провинции, например Британию, Египет¹⁵.

Очевидно, в числе основных повинностей дeditициев под Саталой была не только обработка земель, но и транспортировка анноны войскам лимеса, поскольку государство в 441 г. разрешало приватизацию этих территорий именно на таких условиях. Империя пошла на эти уступки в условиях дефицита варварской рабочей силы в первой половине V в. Он сложился, на наш взгляд, вследствие следующих обстоятельств. Во-первых, видимо, внутреннее воспроизводство у расселенных в рассматриваемом районе дeditициев было незначительным из-за запретов браков между варварами и провинциалами (С. Th. III, 14, 1). Это весьма существенно, если учесть, что захват пленных и порабощение их государством производилось почти исключительно в ходе грабительских рейдов варваров конца IV—начала V в., т. е. это были в основном мужчины. Во-вторых, после создания гуннского союза на Дунае возможности таких захватов для империи резко снизились.

Не случайно поэтому в Кодекс Юстиниана этот закон не перешел, как отразивший только конкретную локальную ситуацию 40-х годов V в. Наконец, после разрешения правительства присваивать частным лицам государственные *fundi limitotrophī* на условиях выполнения извозчицкой повинности (*Nov. Theod.* V. 3) эти земли окончательно выпадали из сферы военного землевладения и сосредоточивались в руках частных лиц. Так, например, к выполнению одной из транспортных повинностей поздней античности — *pastus* — государство привлекало богатых людей¹⁶. Под Саталой с середины V в. меняется не только категория населения, обязанная за владение землей снабжать армию продовольствием, но и намечается тенденция к исчезновению там военно-государственного землевладения.

Южнее Керкусия, в местностях, где пролегал отстроенный Диоклетианом лимес, на передовой линии обороны археологически засвидетельствовано существование в ранневизантийскую эпоху укрепленных поселений, расположенных поодиночке или группами. На их территории обнаружены цистерны и каналы, что позволило видеть в этих поселениях

¹⁴ Dig. 49, 16, 13; Cod. Just. II. 50, 1—3; 52, 1—3.

¹⁵ Подробнее см.: Глушанин Е. П. Этнический состав ранневизантийской армии IV в.: (варварский вопрос) // АДСВ: Проблемы социального развития. Свердловск, 1985. С. 32—42.

¹⁶ Мбссу А. Das Lustrum Primipili und die Annona Militaris // Germania. 1966. Jg. 44. Hbd. 2. S. 318.